

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ

«АЭРОФЛОТ PREMIUM» ПОГОВОРИЛ С ИЗВЕСТНЫМ КОМПОЗИТОРОМ, НАРОДНЫМ АРТИСТОМ РОССИИ О НАСЛЕДСТВЕННОСТИ, СУДЬБЕ ЖАНРА МЮЗИКЛА И НЕПРОСТЫХ ОТНОШЕНИЯХ С КИНОРЕЖИССЕРАМИ

беседовал АРТЕМ ЛИПАТОВ

Не страшно было с вашей наследственностью идти в композиторы?

Как-то не было у меня выбора. С детства учили музыке... Правда, я и спортом активно занимался, и разряды были спортивные — легкая атлетика, баскетбол, во дворе играл в футбол, позже стал заниматься теннисом. Думаю, кстати, что стал бы неплохим теннисистом, если б меня начали учить с пяти-шести лет. В теннис играю до сих пор. Что же касается выбора профессии, то это образовалось само собой. Занимался я с удовольствием, с раннего детства сочинял музыку... Первые успехи подстегнули, появился мотив. В музыкальной школе я стал заметной фигурой, в училище тоже, и меня это, конечно, очень мотивировало.

Вы ведь тогда носили другую фамилию?

Да, я не выступал под фамилией отца. Многие знали, чей я сын, но это не играло никакой роли. Я заслуживал двойки — и получал двойки, со второго курса консерватории меня вообще хотели отчислить.

За что же?

Перестал ходить на занятия. Решил, что мне не нужно посещать лекции. Декан факультета прямо сказал: мы тобой недовольны, отчисляем. Мной был недоволен мой педагог по специальности Дмитрий Кабалевский, народный артист СССР, потому что я позволял себе писать музыку для театральных спектаклей, для эстрады. У него было четкое мнение: сперва нужно обучиться всей академии, а потом уже делать что угодно. Я это правило нарушал, с его точки зрения, обманывая учителя, это было принципиально.

И чем же эта история закончилась?

Декан фортепианного факультета Соколов, очень известный человек, профессор, сказал: пусть его с теоретико-композиторского отчисляют, мы к себе заберем! Значит, играл я неплохо. А декан моего факультета по-

ставил условие: сдашь сессию на отлично — оставим, нет — отчислим. Докажи, что ты все знаешь! Это был вызов моему самолюбию, я его принял — и сдал все на отлично. Честные оказались педагоги, могли ведь меня завалить, но не стали. Все было в этой жизни, и фамилия роли никакой не играла.

Но вы ощущаете какую-то наследственность, преемственность?

Папа наградил меня хорошими музыкальными качествами. Я с удовольствием бы у него поучился — он был человеком глубоко образованным, выпускником двух консерваторий, профессиональным юристом к тому же... Не успел. Но мне кажется, он меня чему-то учит все время. Я действительно могу писать очень красивые мелодии. И это не только мое мнение. Когда меня приглашают в кино режиссеры, всегда спрашивают: почему я, а не кто-то другой? Нужно понимать, чего от меня ждут. И ответ, как правило, такой: нам нужна яркая мелодия. Это дано мне Богом и отцом.

А как к вам пришла эстрада?

Я писал довольно сложные песни на стихи серьезных поэтов, заумные такие — на стихи Гарсии Лорки, например; сложные размеры, непростые вокальные построения... Но мне захотелось понять: как делать, чтобы это еще и людям нравилось? Я никогда не хотел опускаться ниже плинтуса, как сейчас принято, — но как увлечь людей тем, что ты умеешь? Это вопрос я задал себе лет в восемнадцать, когда работал в театре у Марка Розовского — в эстрадной студии МГУ «Наш дом». Ею, кстати, вместе с Розовским руководил Альберт Аксельрод, один из создателей КВН. Тихон Николаевич Хренников, у которого я заканчивал консерваторию, говорил: «Язык должен быть демократичнее». Вот и я в этом окружении волей-неволей делал демократичнее свой музыкальный язык. И видел: это им нравится, а другое они пропускают мимо ушей, а тут >>

даже подпевают. До сих пор считаю, что это критерий. Не главный, но один из критериев.

А ваши личные увлечения никак не помогли? Невозможно же было не обращать внимания на новые музыкальные тенденции...

Я в консерватории был достаточно левым. Не совсем отможенным авангардистом, не писал алеаторику и додекафонию; мне казалось, это от лукавого. Я был скорее сторонником направления Стравинского, Прокофьева и Шостаковича, особенно Прокофьева. Все они обладали большой яркостью образов, сложными мелодическими темами. Вряд ли их можно было пропеть, но это были яркие, запоминающиеся темы.

А почему именно «пропеть»?

Сталин так считал. Когда в 1948 году было судилище над оперой Мурадели, где и Прокофьева, и Шостаковича, и моего отца тоже приложили, Сталин сказал, что тему тогда лишь можно считать темой, когда ее можно пропеть. Идиотизм, что говорить.

Впоследствии вы привлекали к работе весь цвет отечественной рок-музыки.

Когда началась работа над фильмом «Д'Артаньян и три мушкетера», я решил сделать что-то, чего никогда не было в нашем кино. В кино всегда работал Государственный оркестр кинематографии, а тут я подумал: фильм легкий, комедийный, с оркестром получится тяжело, неповоротливо. Сам режиссер, Юнгвальд-Хилькевич, говорил: «Давайте поиграем в трех мушкетеров!» И поигрались! Никто не собирался делать суперхит, просто играли, как кто мог. Моя идея была в том, чтобы использовать стилистику ВИА, тенденции вокально-группового пения, современные ритмы. Был страшный скандал, оркестр отказывался со мной работать... Это был такой эксперимент, очень для меня дорогой. И я брал только суперпрофессиональных людей. Костя Никольский, Вадим Голутвин, другие музыканты-профессионалы, с ними было просто работать. Я понимал, что если начну их давить, то зачем мы вместе работаем? Они в результате были очень довольны сотрудничеством: у них получилось и проявить себя, и выполнить то, чего я от них хотел.

Как складываются ваши отношения с кинорежиссерами?

По-разному. Есть те, кто мне безоговорочно доверяет, отдает все на откуп — именно такой подход, кстати, всегда приносил хорошие результаты. Я же понимаю, что это не мое сочинение, а совместный труд многих людей, и режиссер здесь главный, и важно, чтобы это понравилось зрителям. Поэтому те фильмы, в которых мне была

дана свобода, — те же «Мушкетеры», «Мэри Поппинс, до свидания», «Ах, водевиль, водевиль...» — в них был лучший результат. А если режиссеры диктовали свою волю, работы эти были незаметными. Если меня зовут, нужно рассчитывать на то, что я чужому замыслу придам свое звучание, может быть неожиданное. А бывает так, как сейчас получилось с новым фильмом Бортко. Он позвал меня написать мелодии, а в результате я написал современную авангардную музыку! Там оставались какие-то мелодии, но я их, наступив на горло собственной песне, выкинул. И музыка совершенно по-иному окрасила фильм! Его мнение сыграло роль, и я молодец, что согласился убрать именно то, в чем я силен. Почему согласился? Потому что я знаю, что Бортко очень чувствует музыкальную ткань и понимает, кто я такой. А случается, что молодые режиссеры начинают тебя ревизовать и тем самым убивают смысл твоего приглашения в фильм.

Жанр мюзикла вам всегда был близок?

Да! В этом я американист. Это тоже от папы: дома была огромная коллекция американской музыки, и не только мюзиклы — симфоническая музыка, джаз, Коул Портер, Гершвин, — и я на этом воспитывался. В театральных «Трех мушкетерах» и других театральных моих работах это было слышно, а в кино, например в «Мэри Поппинс», я совсем ушел на эти рельсы. Получилось понятно и дорого нашему слушателю. Тут такой же секрет, как и с моим отцом. Когда анализируешь его творчество, становится понятно, что это совершенно американская музыка. Но она стала родной, нашей.

ЕСЛИ МЕНЯ ЗОВУТ, НУЖНО РАССЧИТЫВАТЬ, ЧТО Я ЧУЖОМУ ЗАМЫСЛУ ПРИДАМ СВОЕ ЗВУЧАНИЕ, МОЖЕТ БЫТЬ НЕОЖИДАННОЕ

Что вы думаете о развитии мюзикла в России?

Американская модель у нас приживается с трудом. Если бы у нас все театры работали на самоокупаемости, была бы честная конкуренция, какие-то спектакли выжили бы, какие-то нет. Но как можно продюсерским проектам конкурировать с государственными театрами, не несущими 80 процентов расходов внеатражных постановок? Невозможно. Исходя из собственного опыта, я понял: наши мюзиклы должны идти в репертуарных театрах. У меня была очень приличная работа «Любовь и шпионаж» про Мату Хари, были «Алые паруса»... Они не выдержали продюсерского проекта, но идут с успехом в театрах по всей стране. Мюзиклы, конечно, дороже стоят, это технологические спектакли, и все равно — пусть они идут пусть реже, но в театре, другого выхода нет.

ФОТО: НАТАЛЬЯ СКВОРЦОВА ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОБАКА»

А что с культурной составляющей?

У нас всегда любили музыкальный спектакль. Из водевиля, оперетты — любимых у нас жанров — вышел мюзикл и продолжает эти формы культивировать. Язык поменялся, темы, драматургия, динамика, а в общем — это же и есть оперетта!

Вы некоторое время жили в Америке. Почему вы уехали? Что там делали?

Это были 90-е, я тогда практически распрощался со своей профессией, это никому не было нужно у нас. Мы занимались продюсерскими проектами, вместе с моим товарищем, аранжировщиком, с которым вместе уезжали, сделали свою студию, записывали разных певцов. Сделал пару композиторских работ в Голливуде, но по краю прошелся, не более того. Писал статьи в русские газеты, работал на радио, на русском телевидении тамошнем вел свою программу — в общем, занимался не то чтобы своим делом, но чем-то близким. Но когда я понял, что могу вернуться в профессию — а значит, и в Россию, — вернулся немедленно.

Вы ведь до сих пор пишете академическую музыку? Где она звучит?

Не так давно я написал кантату «Радуйся солнцу». Она была приурочена ко Дню славянской письменности, но прозвучала на 1200-летию Пскова — в Псковском кремле, на открытом воздухе, для оркестра и трех солистов: баса, сопрано и рок-певца. Это интересно получилось! Очень серьезное сочинение вышло.

Чем вы сейчас занимаетесь?

О, у меня куча работы. Как я уже говорил, с Бортко заканчиваю картину, есть уже новое предложение по кино, не знаю, приму ли его. И еще — страшная цифра — в работе три мюзикла. Три! И все интересные. «Капитанская дочка» по Пушкину; работа, мне кажется, получается. Для петербургского театра «Буфф» уже второй мюзикл по классике делаю: в прошлом году они ставили мой «Дневник авантюриста» (это по Островскому, «На всякого мудреца довольно простоты»), а в марте у меня там новая премьера, «Лиса и виноград». А третий — это ежегодная работа, детский новогодний спектакль, часовой мюзикл.

Практически все ваши известные песни вышли из спектаклей и фильмов и живут своей жизнью. Вы ведь никогда не были специально «песенным» композитором?

Видимо, без драматургии, без конкретного применения у меня не получается. Нет, я себя преодолевал, когда у меня такие предложения были, я же писал песни, даже альбомы — Татьяне Булановой, Игорю Наджие-

ву, Николаю Караченцову, — но не было такого успеха. Наверное, не могу. И папа мой, кстати, так же! У него были отдельные песни написаны, но в основном — то же самое. И он, кстати, сознательно к этому шел. Обязательно, писал он, в фильме должна быть песня, которая потом заживет отдельной жизнью. Прямо так и формулировал!

У вас была довольно бурная личная жизнь, которая зачастую становилась достоянием публики. Не у всякого за плечами семь браков...

Я ни о чем не жалею. Я прожил очень счастливую жизнь с разными женщинами, все они оказались замечательными, умными, прекрасными, и это подтверждает тот факт, что я с ними со всеми в прекрасных отношениях, со всеми дружу, почти со всеми общаюсь. Значит, никаких ошибок не было, просто вот так сложилась жизнь. 💎